

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2014 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/abdulaeva-protiv-rossii-abdulayeva-v-russia/>) Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2014 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "АБДУЛАЕВА ПРОТИВ РОССИИ"

(Жалоба № 38552/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

16 января 2014 г.

ВСТУПИЛО В СИЛУ
16 апреля 2014 г.

В текст постановления могут быть внесены редакторские изменения.

В деле «Абдуллаева против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседавая Палатой в следующем составе:

Изабель Берро-Лефевр, *Председатель*,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Линос-Александр Сицилианос,

Эрик Мёсе,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, *судьи*,

и Сёрен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 17 декабря 2013 г. совещание за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, которое было утверждено в тот же день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 38552/05) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ("Конвенция") российской гражданкой г-жой Тамаровой Абдулаевой ("заявительница") 26 октября 2005 года.

2. Интересы заявителей представляли г-н Р. Лемэтр, г-жа А. Мальцева, г-жа Е. Ежова, г-н А. Николаев, г-н Д. Ицлаев и г-н А. Сакалов, юристы «Правовой инициативы по России» (г. Москва) и адвокат г-жа Л. Дорогова, практикующий в г. Нальчик. Интересы российского правительства ("государство-ответчик") представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявительница утверждала, в частности, что решение о невозвращении тела ее сына было незаконным и не отвечало требованию пропорциональности в нарушение статей 3, 8 и 9 взятых отдельно, а также в совокупности со статьями 13 и 14 Конвенции.

4. 15 мая 2009 г. жалоба была коммуницирована государству-ответчику.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1951 г. и проживает в с. Гойты, Урус-Мартановский район, Чеченская Республика. Она приходится матерью Султану Шотовичу Вагапову.

A. Заявительница

6. Заявительница утверждает, что с 14 по 16 января 2005 года российские власти проводили спецоперацию, в ходе которой

артиллерийскому обстрелу подверглось село Зумсой, Итум-Калинский район, Чечня, после этого в селе была проведена "зачистка", дома некоторых жителей были разграблены, имущество расхищено.

7. В январе 2005 года заявительницу вызвали в районный отдел милиции в с. Гойты, Урус-Мартановский район, Чечня. Она утверждает, что ей показали копию паспорта ее сына и фотографию трупа, предположительно это был ее сын, Султан Шотович Вагапов. Ей сообщили, что он был убит во время «зачистки» в с. Зумсой в начале 2005 года. По данным властей, сын заявительницы был боевиком, чье тело было доставлено на военную базу в Ханкале.

8. Заявительница не смогла опознать своего сына по фотографии и попросила разрешения увидеть тело, но безрезультатно.

9. Все обращения заявительницы с просьбой выдать тело ее сына оставались без ответа до 26 апреля 2005 года, когда военный прокурор прямо сослался ст. 16.1 Федерального закона «О противодействии терроризму» и ст. 14.1 ФЗ «О погребении и похоронном деле» и ответил, что "тела террористов не выдаются для захоронения и место их захоронения не разглашается".

10. Прокуратур указал на то, что ее сын оказал вооруженное сопротивление во время спецоперации, проведенной 14 января 2005 года, и был убит. При нем были обнаружены автоматом, магазин с патронами и рюкзак с его личными вещами.

В. Государство-ответчик

11. Правительство подтвердило, что вблизи села Зумсой в период с 14 по 16 января 2005 года был обнаружен лагерь боевиков, в отношении которых была проведена спецоперация. После нанесения огневого удара было проведено обследование территории и обнаружен труп сына заявительницы Султана Шотовича Вагапова, при нем обнаружены автоматическая винтовка и боеприпасы, предположительно принадлежавшие ему. У погибшего при себе имелись документы, что позволило быстро установить его личность.

12. Правительство утверждало, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в частности, в связи с обнаружением тела сына заявительницы было вынесено 15 апреля 2005 года. В нем описаны собранные вещественные доказательства, устные свидетельства, данные солдатами, которые осматривали территорию после обстрела и обстоятельства смерти сына заявительницы, также дается заключение о том, что его смерть наступила в результате обоснованного применения смертоносной силы, направленной против вооруженного террориста.

13. Очевидно заявительница оспорила решение военного прокурора от 26 апреля 2005 года в суде. 19 декабря 2005 года Урус-Мартановский городской суд оставил в силе решение о невыдаче заявительнице тела ее сына для захоронения. Решение первой инстанции было оставлено в силе Верховным судом Чеченской Республики кассационным определением от 30 мая 2006 года .

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

14. Обобщение применимого национального права приведено в постановлениях *Sabanchiyeva and Others v. Russia*, № 38450/05, §§ 33-37 и 65-90, ECHR 2013 (выдержки) и *Maskhadova and Others v. Russia*, № 18071/05, §§ 116-146, 6 июня 2013 г..

III. ДРУГИЕ ПРИМЕНИМЫЕ ИСТОЧНИКИ

15. Обобщение других применимых источников, на которые ссылаются заявители, приведено в постановлениях *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §§ 91-96 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, §§ 147-150.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

16. Ссылаясь на статью 8 Конвенции, заявительница жаловалась на отказ властей вернуть тело Султана Вагапова. Данная норма Конвенции гласит:

Статья 8 Конвенции

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

A. Доводы сторон

17. Государство-ответчик утверждало, что постановление о невыдаче тела сына заявительницы было принято в соответствии с ФЗ «О противодействии терроризму», ФЗ «О погребении и похоронном деле» и Постановлением о противодействии терроризму и было обоснованным, с учетом доводов, изложенных в Постановлении Конституционного Суда от 28 июня 2007 г. (см. *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 125).

18. Заявительница указала, что отказ властей вернуть тело был незаконным и не отвечал требованию о пропорциональности. Она утверждала, что законодательные определения "терроризма", "террористической деятельности" и "террористического акта" отличаются неточностью; кроме того, в законе имеется неопределенность в отношении порядка кремации, конкретного должностного лица, уполномоченного принимать данное решение,

возможности его обжаловать, правового регулирования сообщения даты захоронения и соблюдения обрядов в ходе похорон. Она также утверждала, что данная мера не отвечала требованию о пропорциональности, так как ни в одной европейской стране не существует аналогичного законодательства; хотя в Израиле ранее существовала такая административная практика, с тех пор она была признана израильскими судами незаконной; такое обращение запрещено международным гуманитарным правом; властям были доступны другие менее ограничительные меры в решении проблем, связанных с терроризмом.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

19. На основании представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Применима ли статья 8 в настоящем деле

20. Суд напоминает, что согласно его прецедентной практике по статье 8 понятия "частной жизни" и "семейной жизни" широки и не подлежат исчерпывающему определению (см., например, *Pretty v. the United Kingdom*, № 2346/02, § 61, ECHR 2002-III). В делах *Pannullo and Forte v. France* (№ 37794/97, §§35-36, ECHR 2001-X) и *Girard v. France* (№ 22590/04, § 107, 30 июня 2011 г.) Суд признал, что чрезмерная задержка в возврате тела после вскрытия или в возврате биологических образцов после завершения соответствующего уголовного разбирательства является вмешательством в частную жизнь и в семейную жизнь выживших членов семьи. В деле *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden* (№ 61564/00, §24, ECHR 2006-I) Суд признал, что отказ передачи урны с прахом мужа заявительницы также может быть рассмотрен в рамках статьи 8. Кроме того, в деле *Hadri-Vionnet v. Switzerland* (№ 55525/00, § 52, 14 февраля 2008 г.) Суд счел, что возможность заявительницы присутствовать на похоронах ее мертворожденного ребенка, а также при сопутствующих процедурах передачи [тела] и церемониальных мероприятиях также может попадать в сферу и частной, и семейной жизни по смыслу статьи 8.

21. Суд далее отмечает, что 26 апреля 2005 г. прокурор постановил не возвращать тело Султана Шотовича Вагапова заявительнице (см. п. 9 выше). Это постановление было принято в соответствии с п. 3 Постановления № 164 от 20 марта 2003 г., и ст. 14.1 ФЗ "О погребении и похоронном деле", которые предписывают компетентным органам не выдавать тела террористов, которые погибли в результате пресечения террористического акта.

22. Изучив применимое национальное законодательство, Суд отмечает, что по общему правилу в России родственникам умершего, желающим организовать погребение, законодательно гарантировано

быстрое возвращение тела для захоронения после установления причины смерти. На них также распространяется правовой режим, наделяющий их правом исполнить волеизъявление умершего в отношении погребения или принять решение о том, как будет совершаться погребение; в обоих случаях ограничения могут быть наложены только в связи с нормами безопасности и санитарными требованиями (см. п.п. 3-8 ФЗ "О погребении и похоронном деле" в постановлении *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 65).

23. С учетом изложенного, Суд отмечает, что отказ властей вернуть тело Султана Вагапова со ссылкой на ст. 14.1 ФЗ "О погребении и похоронном деле" и п. 3 Постановления № 164 от 20 марта 2003 г. представлял собой исключение из общего правила и явно лишал заявительницу возможности организовать и принять участие в захоронении тела своего родственника, а также узнать место захоронения и в последующем посещать его.

24. С учетом своей прецедентной практики и изложенных выше обстоятельствах дела Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера являлась вмешательством в частную и семейную жизнь заявителей по смыслу статьи 8 Конвенции (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 123 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 212). Остается выяснить, было ли вмешательство оправданным, как того требует второй параграф данной нормы.

(b) Было ли вмешательство оправданным

(i) "Предусмотрено законом"

25. Согласно прецедентному праву Суда, выражение "предусмотрено законом" в пункте 2 статьи 8 требует, среди прочего, чтобы рассматриваемая мера была основана на национальном законодательстве (см., например, *Aleksandra Dmitriyeva v. Russia*, № 9390/05, §§ 104-07, 3 ноября 2011), а также отсылает к качеству рассматриваемого законодательства, требуя, чтобы оно было доступным лицу, которого оно затрагивает, а результаты его применения были предсказуемы (см. *Rotaru v. Romania* [GC], № 28341/95, § 52, ECHR 2000-V). Для того чтобы соответствовать критерию предсказуемости, законодательство должно с достаточной степенью точности ставить условия, при которых возможно применение конкретной меры с тем, чтобы лица, которых оно затрагивает, могли – при необходимости воспользовавшись соответствующей консультацией – регулировать свое поведение.

26. Суд отмечает, что рассматриваемая мера была принята в соответствии с положениями ФЗ "О противодействии терроризму", ФЗ "О погребении и похоронном деле" и Постановления № 164 от 20 марта 2003 г., которое гласит, что "[тело] террориста, смерть которого наступила в результате пресечения совершенной им террористической акции" не передается для захоронения, а место захоронения не разглашается.

27. Суд приходит к выводу о том, что в постановлении от 26 апреля 2005 г. и документах, представленных государством-ответчиком, было четко установлено, что сын заявительницы принимал участие в военном сопротивлении. Суд полагает, что отказ властей выдать тело

сына заявительницы для захоронения был обоснован с точки зрения российского законодательства.

28. По мнению Суда, иные вопросы, касающиеся законности, а именно, вопросы о предсказуемости и четкости законодательных актов, и, в частности, об автоматическом характере нормы и предполагаемой неточности некоторых понятий, тесно связаны с вопросом пропорциональности и должны быть рассмотрены в качестве аспекта данного требования в рамках части 2 статьи 8 (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 127 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 216).

(ii) *Правомерная цель*

29. Суд отмечает, что в подтверждение обоснованности данной меры государство-ответчик ссылается на Постановление Конституционного суда № 8-П от 28 июня 2007 г., в котором в отношении ст. 14.1 ФЗ "О погребении и похоронном деле" и Постановления № 164 от 20 марта 2003 г. указано, что принятие данной нормы обуславливают "интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий террористических актов, сопряженных с возможностью массовых беспорядков, столкновений различных этнических групп, эксцессов между родственниками лиц, причастных к террористическим актам, населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей". Также в нем указано на необходимость "минимизации информационного и психологического воздействия, оказанного на население террористическим актом, в том числе ослабление его агитационно-пропагандистского эффекта". Конституционный суд также указал, что "захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение обрядов захоронения и поминовения с отдаванием почестей как символу, как объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой - оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки для нагнетания межнациональной и религиозной розни" (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 33 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 125).

30. С учетом вышеописанных пояснений, Суд приходит к выводу, что рассматриваемая мера может считаться принятой в интересах национальной безопасности, в целях предотвращения беспорядков, для защиты прав и свобод других лиц.

31. Остается выяснить, была ли принятая мера "необходимой в демократическом обществе" для достижения заявленных целей.

(iii) *Необходимость в демократическом обществе*

(α) *Общие принципы*

32. Вмешательство будет считаться "необходимым в демократическом обществе" для достижения правомерной цели, если оно предпринимается в ответ на "насущную социальную потребность" и, в частности, если оно пропорционально преследуемой правомерной цели и если причины, приведенные национальными властями в его обоснование, "относимы и достаточны" (см., например, *Coster v. The*

United Kingdom [GC], № 24876/94, § 104, 18 января 2001 г. и *S. and Marper v. the United Kingdom* [GC], №№ 30562/04 и 30566/04, § 101, ECHR 2008).

33. Предмет и цель Конвенции как международного договора в области права человека, который защищает права лиц на объективных основаниях (см. *Neulinger and Shuruk v. Switzerland* [GC], № 41615/07, § 145, ECHR 2010), диктуют необходимость толкования и применения ее норм таким образом, чтобы ее гарантии оставались эффективными на практике (см., среди других источников, *Artico v. Italy*, 13 мая 1980 г., § 33, Серии А №. 37). Таким образом, для обеспечения "уважения" частной и семейной жизни по смыслу статьи 8 должны приниматься во внимание особенности каждого дела с тем, чтобы избежать механического применения национального законодательства в конкретной ситуации (см., из недавних источников, *Nada v. Switzerland* [GC], № 10593/08, §§ 181-185, 12 сентября 2012 г.).

34. Суд ранее признавал, что для того, чтобы мера рассматривалась в качестве пропорциональной и необходимой в демократическом обществе, необходимо исключить возможность применения альтернативной меры, которая причинила бы меньший вред рассматриваемому основополагающему праву, но в то же время достигла бы заявленной же цели (см. *Nada*, цит. выше, § 183).

35. Окончательная оценка того, является ли вмешательство необходимым, остается в ведении Суда, который устанавливает его соответствие требованиями Конвенции. Компетентные власти государства наделяются в этом отношении свободой усмотрения. Ширина свободы усмотрения может быть различной; она зависит от ряда факторов, в том числе, от характера конвенционного права, которое было затронуто, его важности для лица, характера вмешательства и цели, которое преследовало вмешательство (см. *S. and Marper*, цит. выше, § 102). Суд неоднократно подчеркивал, что он понимает, что терроризм и насилие, связанное с терроризмом, представляют для государств особую угрозу (см., *mutatis mutandis*, *Brogan and Others v. the United Kingdom*, 29 ноября 1988 г., § 61, Серии А no. 145-B; *Öcalan v. Turkey* [GC], № 46221/99, §§ 104, 192-196, ECHR 2005-IV; *Ramirez Sanchez v. France* [GC], № 59450/00, §§ 115-116, ECHR 2006-IX; и *Finogenov and Others v. Russia*, №№ 18299/03 и 27311/03, § 212, ECHR 2011 (выдержки)). Свобода усмотрения, как правило, будет более узкой в тех случаях, когда речь идет о праве, обеспечивающем лицу возможность эффективно пользоваться [другими] личными или ключевыми правами (см. *Connors v. the United Kingdom*, № 66746/01, § 82, 27 мая 2004 г., а также содержащиеся в указанном постановлении ссылки). Когда речь идет об особенно важной составляющей существования или личности заявителя свобода усмотрения государства будет ограничена (см. *Evans v. the United Kingdom* [GC], № 6339/05, § 77, ECHR 2007-I).

(β) Применение указанных принципов

36. Чтобы ответить на вопрос о том, были ли меры, принятые в отношении заявительницы и касающиеся тела Султана Вагапова, пропорциональными правомерной цели, которую они предположительно преследовали, а также о том, были ли причины, приведенные национальными властями "относимыми и

достаточными", Суд должен выяснить, уделили ли российские власти достаточно внимания особому характеру дела, а также была ли принята мера обоснована с учетом соответствующих обстоятельств дела и свободы усмотрения властей.

37. Для этого Суд готов учесть различные обстоятельства, имевшие место до принятия постановления от 26 апреля 2005 г. Однако применение рассматриваемой меры должно иметь убедительное объяснение и обоснование в каждом конкретном деле (см., *mutatis mutandis*, *Nada*, цит. выше, § 186).

38. В отношении критики со стороны заявительницы, касающейся чрезмерной широты некоторых понятий и других предполагаемых недостатков применимого законодательства, Суд изначально отмечает, что при рассмотрении индивидуальных жалоб в его задачи, как правило, не входит абстрактная оценка применимого законодательства или конкретной практики. Вместо этого он по мере возможности должен сосредоточиться на изучении вопросов, поднятых в рассматриваемом им деле, не теряя при этом из виду общий контекст. Поэтому в данном деле задачей Суда является не оценка, *in abstracto*, соответствия указанной нормы требованиям Конвенции, а определение, *in concreto*, влияния рассматриваемого вмешательства на частную и семейную жизнь заявителей (см., в качестве недавнего источника, *Nejdet Şahin and Perihan Şahin v. Turkey* [GC], no. 13279/05, §§ 68-70, 20 октября 2011 г.).

39. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что в результате принятия постановления от 26 апреля 2005 г. заявительница была лишена возможности, по общему правилу гарантированной близким родственникам любого погибшего человека в России, организовать и принять участие в захоронении тела погибшего члена ее семьи, а также знать о месте захоронения и посещать его в дальнейшем (см. соответствующие нормы ФЗ "О погребении и похоронном деле" в *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 65). Суд полагает, что вмешательство в право заявителей, гарантированное статьей 8, имевшее место в результате применения указанной меры, было особенно суровым в виду того, что оно сделало их участие в соответствующих обрядах захоронения абсолютно невозможным, а также предполагало запрет на разглашение местонахождения могилы, что навсегда разорвало все связи между заявителями и местонахождением останков погибшего. В этом отношении Суд также ссылается на практику различных международных инстанций, которые в делах, касающихся применения схожих мер, сочли такое вмешательство в права заявителей особенно суровым (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §§ 92-96).

40. Суд далее отмечает, что следствие установило, что Султан Вагапов принимал участие в деятельности незаконных вооруженных формирований (см. п.п. 6, 9-10 и 11-13 выше). Изучив материалы дела, Суд готов использовать эти выводы о фактах в своем дальнейшем анализе.

41. С учетом характера действий погибшего, обстоятельств его смерти и исключительно сложного этнического и религиозного контекста в этом регионе России, Суд не может исключить, что некоторые меры, ограничивающие права заявительницы, связанные с организацией захоронения погибших, могли быть оправданы, согласно

статье 8 Конвенции, и могли преследовать цели, названные государством-ответчиком (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 140; и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 230).

42. В принципе Суд может согласиться с тем, что в зависимости от конкретного места, в котором было запланировано проведение обрядов и захоронения, в виду характера и последствий деятельности погибшего и других относимых факторов, связанных с контекстом, разумно было бы ожидать от властей вмешательства с целью предотвращения возможных беспорядков или незаконных действий со стороны лиц, поддерживающих цели и деятельность погибшего или противостоящих им, которые могли быть совершены в ходе или после соответствующих обрядов.

43. Суд также может согласиться с тем, что при осуществлении соответствующего вмешательства власти были вправе действовать таким образом, чтобы минимизировать информационные и психологические последствия террористического акта для населения, оберегая при этом чувства родственников жертв террористических актов. Такое вмешательство, безусловно, могло бы ограничить возможность заявителей выбрать время, место и способ проведения соответствующих похоронных обрядов и захоронения или даже напрямую их регулировать.

44. В то же время, Суду сложно согласиться с тем, что какая-либо из заявленных целей способна оправдать все аспекты рассматриваемой меры. В частности, он не видит в этих целях разумного основания для полного лишения заявительницы возможности участвовать в соответствующих похоронных обрядах или хотя бы в какой-то форме попрощаться с ее сыном.

45. Суд приходит к выводу о том, что власти не провели какой-либо оценки в этом отношении в настоящем деле. Компетентное должностное лицо не провело какого-либо анализа, в котором были бы учтены индивидуальные обстоятельства погибшего и членов его семьи (см. п. 9 выше). Причиной этому было то, что применимое законодательство не рассматривало эти обстоятельства в качестве применимых, а решение от 26 апреля 2005 г. носило исключительно автоматический характер. Учитывая значение, которое данное ограничение имело для заявителей, Суд считает, что "автоматический" характер решения противоречит обязательству государства по статье 8, требующей, чтобы государство проявляло должную заботу о том, чтобы любое вмешательство в право на уважение частой и семейной жизни было обоснованным и пропорциональным с учетом конкретных обстоятельств каждого дела (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 144 and *Maskhadova and Others v. Russia*, цит. выше, § 235).

46. Суд напоминает, что действуя в соответствии с требованием о пропорциональности, предусмотренным статьей 8, власти в первую очередь должны исключить возможность применения альтернативных мер, которые причинили бы меньший вред затрагиваемому фундаментальному праву, достигнув при этом той же цели. Мера, принятая в отсутствие такого индивидуализированного подхода, в основном выступает в качестве наказания для заявителей, так как перекладывает на родственников и членов семей погибшего бремя негативных последствий его деятельности (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 145 and *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 236).

47. Таким образом, с учетом автоматического характера меры, а также несоблюдения властями принципа пропорциональности Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемая мера не отвечала требованию о справедливом балансе между правом заявителей на защиту частной и семейной жизни с одной стороны, и правомерными целями [защиты] общественной безопасности, предотвращения беспорядков и защиты прав и свободы других лиц, с другой стороны, а также что государство-ответчик перешло границы допустимой свободы усмотрения в этом отношении.

48. Следовательно, в результате вынесения постановления от 26 апреля 2005 г. имело место нарушение права заявительницы на уважение частной и семейной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

49. Ссылаясь на статью 13 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции, заявительница также жаловалась на отсутствие эффективного средства правовой защиты в отношении отказа властей вернуть тело ее сына.

Статья 13 Конвенции

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве."

50. Государство-ответчик указало, что заявительница получила официальное уведомление и ответы от властей; ее доступ к суду в связи с рассматриваемым решением не ограничивался.

A. Приемлемость

51. На основании представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо дела

1. Применимые принципы

52. Суд отмечает, что статья 13 гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты, позволяющего обратиться с жалобой на нарушения прав и свобод, гарантированных Конвенцией. Поэтому, хотя государствам-участникам и предоставляется некоторая свобода усмотрения в выборе способа исполнения своих обязательств по данной статье, на национальном уровне должно существовать средство правовой защиты, в рамках которого уполномоченный орган может рассмотреть жалобу на нарушение конвенционного права по существу и при необходимости

восстановить права [заявителя]. Объем обязательств в рамках статьи 13 различается в зависимости от характера жалобы заявителя по Конвенции, но в любом случае средство правовой защиты должно быть "эффективным" как на практике, так и с точки зрения закона; в частности, действия или бездействие властей государства не должны необоснованно ограничивать возможность его использования (см. *Büyükdag v. Turkey*, № 28340/95, § 64, 21 декабря 2000 г., а также дела, процитированные в данном постановлении, в особенности, *Aksoy*, цит. выше, § 95). В некоторых случаях, общеправовые средства защиты, предусмотренные национальным законодательством, могут соответствовать требованиям статьи 13 (см., в частности, *Leander v. Sweden*, 26 марта 1987 г., § 77, Серии А no. 116).

53. Однако статья 13 требует создания в рамках национального законодательства средств правовой защиты только в отношении тех жалоб, которые могут быть признаны "доказуемыми" в терминологии Конвенции (см., например, *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, 27 April 1988, § 54, Series A no. 131). Она не гарантирует средство правовой защиты, которое бы позволяло обжаловать в государственных органах законодательство государств-участников на основании его несоответствия Конвенции (см. *Costello-Roberts v. the United Kingdom*, 25 марта 1993 г., § 40, Серии А no. 247-С); она лишь призвана обеспечить, чтобы в национальном правовом порядке каждый, имеющий доказуемую жалобу на нарушение конвенционного права имел доступ к эффективному средству правовой защиты (*ibid.*, § 39).

2. Применение указанных принципов в настоящем деле

54. Суд полагает, что, учитывая его вывод о приемлемости жалобы по статье 8 (см. п. 19 выше), данная жалоба была доказуемой. Таким образом, остается выяснить, предоставляло ли российское законодательство заявительнице доступ к эффективному средству правовой защиты, к которому она могла бы обратиться с жалобой о нарушении ее конвенционных прав.

55. Суд отмечает, что национальные судебные инстанции были не вправе дать оценку необходимости применения мер, указанных в ст. 14.1 ФЗ "О погребении и похоронном деле" и Постановлении № 164 от 20 марта 2003 г. (см. п.п. 17-18 выше). Он также напоминает, что в недавно вынесенных постановлениях по делам *Sabanchiyeva and Others* (цит. выше, §§ 153-156) и *Maskhadova and Others case* (цит. выше, §§ 244-246) Суд пришел к выводу о том, что рассматриваемое законодательство "не предоставляло заявителям достаточных процессуальных гарантий против произвола", как до, так и после вынесения Конституционным судом Постановлений №-8 от 28 июня 2007 г. и № 16-П от 14 июля 2011 г. Указанные выводы были сделаны, в частности, в связи с ограниченными полномочиями судов по рассмотрению обоснованности такого рода решений по существу.

56. С учетом данных обстоятельств Суд приходит к выводу о том, что государство-ответчик не смогло доказать, что национальная правовая система предоставила заявительнице возможности для эффективного судебного контроля в отношении постановления от 25 апреля 2005г.; Суд постановляет, что у заявительницы не было

доступа к эффективному средству правовой защиты в отношении нарушений Конвенции, на которые она жаловалась.

57. Соответственно Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 8.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 9 КОНВЕНЦИИ

58. В дополнение к своим доводам в рамках статьи 8 Конвенции заявительница также утверждала, что отказ властей вернуть тело Султана Вагапова являлся нарушением статей 3 и 9 Конвенции

59. На основании представленных материалов Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

60. Суд полагает, что с учетом конкретных обстоятельств данного дела и оснований, которые привели его к выводу о нарушении статьи 8 и статьи 13 в совокупности со статьей 8, нет необходимости рассматривать те же факты с точки зрения статей 3 и 9 (см. также *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, §§ 157 и 158; и *Maskhadova and Others*, цит. выше, §§ 248-249).

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

61. Наконец, заявительница полагала, что отказ властей вернуть тело Султана Вагапова являлся дискриминацией, так как рассматриваемое законодательство было направлено исключительно на лиц, исповедующих ислам. Она ссыалась на статью 14 Конвенции, которая гласит:

"Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам."

62. Государство-ответчик оспаривало эти доводы и утверждало, что рассматриваемое постановление не было дискриминационным.

63. Рассмотрев материалы, представленные сторонами, Суд не обнаружил подтверждения тому, что рассматриваемое законодательство было направлено исключительно против последователей ислама, или тому, что заявительница подверглась иному обращению, чем лица в схожей ситуации, исключительно на основании религиозной принадлежности или этнического происхождения (см. *Sabanchiyeva and Others*, цит. выше, § 162 и *Maskhadova and Others*, цит. выше, § 253).

64. Таким образом, Суд приходит к выводу, что данная часть жалобы явно необоснованна и должна быть отклонена в согласно статье 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

65. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне"

A. Вред

66. Заявительница утверждала, что ей был причинен очень серьезный моральный вред и потребовала компенсации в размере 150 000 евро. Она также требовала, чтобы Суд обязал государство-ответчика передать останки ее сына или раскрыть информацию об обстоятельствах его захоронения, в том числе, о местонахождении его могилы, а также отменить рассматриваемое национальное законодательство.

67. Государство-ответчик утверждало, что эти требования необоснованны и чрезмерны в целом.

68. Суд полагает, что с учетом обстоятельств данного дела вывод о нарушении статьи 8 Конвенции в отдельности, а также в совокупности со статьей 13 является достаточной справедливой компенсацией для заявительницы.

B. Расходы и издержки

69. Заявительница также потребовала компенсации расходов на юридическую помощь и иных расходов, понесенных в ходе разбирательства в г. Страсбурге, в размере 6 289 евро.

70. Государство-ответчик утверждало, что заявленная сумма слишком велика и необоснованна.

71. Согласно прецедентному праву Суда, заявитель вправе требовать возмещения расходов и издержек только в той степени, в которой он доказал, что они действительно были понесены и были необходимы, а их размер разумен. С учетом документов, находящихся в его распоряжении, Суд считает разумным присудить заявительнице сумму, которую она требует, а также любой налог, взимаемый с этой суммы. Согласно желанию заявительницы эта сумма должна быть выплачена «Правовой инициативе по России» напрямую.

C. Процентная ставка при просрочке платежа

72. Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

В СВЯЗИ С ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы заявительницы на нарушение статьей 3 и 9 Конвенции, а также их жалобы на нарушение статьи 8 в отдельности и в совокупности со статьей 13 Конвенции в связи с отказом вернуть тело Султана Вагапова приемлемыми, а оставшуюся часть жалобы – неприемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с постановлением от 25 апреля 2005 г.;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 8 в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении постановления 25 апреля 2006 г.;
4. *Постановляет*, что с учетом выводов, к которым он пришел в рамках статей 8 и 13 Конвенции, нет необходимости отдельно рассматривать дело в свете статей 3 и 9 Конвенции;
5. *Постановляет*
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице в качестве компенсации расходов и издержек 6 289 евро (шесть тысяч двести восемьдесят девять евро), а также сумму налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму; выплаты необходимо произвести на банковский счет, указанный организацией-представителем заявительницы;
 - (b) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты.
6. *Отклоняет* остальные требования заявительницы о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке. Уведомление о постановлении направлено в письменном виде 16 января 2014 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен
Секретарь

Изабель Берро-Лефевр
Председатель

Согласно статье 45 § 2 Конвенции и Регламенту Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Дедова.

И.Б.Л.
С.Н.

ДЕКЛАРАЦИЯ СУДЬИ ДЕДОВА

В отличие от обстоятельств, описанных в постановлениях *Sabanchiyeva and Others v. Russia* и *Maskhadova and Others v. Russia*, в данном деле отсутствуют доказательства массовых беспорядков или насилия, связанного с террористической деятельностью. Поэтому я считаю, что подход Суда к оценке обоснованности и пропорциональности вмешательства применимым в конкретных обстоятельствах дела.